

Яблоков Михаил Сергеевич, к.и.н.
Тюменский государственный институт культуры

Семешко Наталья Анатольевна, профессор
Тюменский государственный институт культуры

Федотов Александр Сергеевич, старший преподаватель
Тюменский государственный институт культуры

ИЗ ИСТОРИИ СУДЕБНЫХ ПРАКТИК РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье дан краткий исторический обзор событий из российской юридической практики, приведены достаточно редкие документы и материалы как общей, так и региональной хроники.

Ключевые слова: Присяга как вектор жизни. Адвокатура и её легитимность. Судебная практика до и после революционных событий.

В приложении к «Судебным уставам Императора Александра Второго» за 1884 г. имеется следующая форма присяги на должность судьи: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять свято законы Империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью либо пользу лицепрятия, и поступать во всём соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всём этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на Страшном Суде Его. В удостоверение сего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь.» [1] данный текст во многом повторяет слова одной из утренних молитв православного христианина, слова, происходящие от времён первых веков христианской религии: «Внезапно Судия приидёт, и коегождо деяния обнажатся, но страхом зовём в полуночи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас» [2] Соглашаясь с евангельскими строками, указанная молитва напоминает о существовании в этом мире иного «судебного ведомства», на фронте здания которого начертаны слова: «Мне отмщение, и Аз воздам»; учреждения в светском варианте, изложенном поэтическими строками М. Ю. Лермонтова в его «Смерть поэта»: «... но есть и Божий Суд, наместники разврата. Он ждёт, он недоступен звону злата. Все мысли и дела Он знает наперёд...» Укажем на источник – это начало 7 главы Евангелие от Матфея: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такую и вам будут мерить» [3].

Судебные ведомства царской России, помимо «управления исполнения наказаний», (говоря сегодняшним языком), имели немалый штат работников адвокатского сектора из, большей частью, юридически образованных людей, чья деятельность в дальнейшем составит золотой фонд отечественной практики, а наиболее талантливых защитников увековечит в анналах истории. Даже в советское время, когда институт адвокатуры, мягко говоря, не будет иметь сколько-то значимого влияния на судебные решения, наиболее яркие имена представителей этого клана не будут преданы забвению. Одним из них был Пётр Акимович Александров (1838-1893), чья речь в защиту террористки Веры Засулич, покушавшейся на жизнь петербургского градоначальника Трепова, будет широко известна не только в России, но и за рубежом [4].

Имя Фёдора Никифоровича Плевако (1842-1908), 40 лет проработавшего адвокатом, пожалуй, занимает первое место среди его коллег, а его речи являются во многом образцом как ораторского искусства, так и художественной отточенности, одновременно отличаясь психологической глубиной, житейской мудростью, простотой и доходчивостью. Приведём пример одного из выступлений: «Щадите слабых, склоняющихся пред вами свою усталую голову; но, когда перед вами становится человек, который пользуется своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы,

представители суда общественного, заявите, что суд действительно сила, – сила разума и совести, – и согните ему голову под железное ярмо закона» [5] Ф. Н. Плевако сочетал в себе литературный талант с качествами глубокого психолога и милосердием христианина. В одном из процессов, (по делу Дмитриевой и Кострубо-Карицкого), он произнёс слова, изменившие курс судебных решений: «Теория, проповедующая, что изредка необходимо прозвучать цепями осуждённых, изредка необходимо наполнять тюрьмы жертвами, – не достойна нашего времени!» [6].

Известны 60 речей Ф. Н. Плевако, составляющие два тома печатного издания, а среди «крылатых» выражений – начальные слова его выступлений: «Господа, а ведь могло быть хуже!» (Википедия) Однако, наибольшую известность адвокату принесло его выступление в суде, когда в защиту пропившего казённые деньги священника Фёдор Никифорович произнёс: «Батюшка за время своего служения так много отпустил грехов, так неужели и мы здесь в суде не отпустим его прегрешения!»

Русская Энциклопедия 1896 года, (так называемая «Южаковская энциклопедия»), в соответствующей статье указывает на то, что в XVII-XVIII в. в за эту профессию брались лица сомнительной нравственности и честности, заботившиеся исключительно лишь о том, чтобы угодить своему нанимателю» [7] Кляузничество было их специальностью, из-за чего законодательство относилось к «ходатаям» с большой осторожностью. (там же) Император Пётр Первый называл их «ябедниками, составщиками воров и душевредцами», упрекая их в том, что они «своими непотребными пространными приводами судью более утруждают и дело к вящему пространству, нежели скорому приводят окончанию». (там же) Известно и резко отрицательное отношение к указанной профессии Ф. М. Достоевского, устами героев своих произведений называвших адвокатов «нанятой совестью».

Институт адвокатуры как корпорация лиц, занимающимися ходатайствами в суде по чужим делам, как гражданским, так и уголовным, известен ещё во времена Древнего Рима, однако, в России название «ябедников» удерживалось за ними вплоть до конца XIX века, однако, положение дел резко изменилось с введением в 1874 году Императором Александром Вторым Института присяжных поверенных и их помощников («стряпчих») в соответствии с новыми Судебными Уставами [8] В 18 томе указанной энциклопедии можно прочитать прямо-таки восторженные отзывы о Судебном Уставе, присягу из которого мы приводили в начале статьи: «Это замечательные законодательные акты, их язык изящен, лёгок, вполне понятен и не для юриста, система стройна и несложна. Для русской юридической жизни судебные уставы явились откровением, возбуждившим энергическую деятельность наших юристов и поднявшим значение нашей юридической науки» [9] В статье также выражается уверенность в том, что введение института присяжных поверенных, (заседателей), то есть, защитников подсудимого является наиболее смелым и благодетельным нововведением. Замена письменного судопроизводства. Облечённого ранее в канцелярскую тайну, в устное и гласное обеспечивает начало объективности через новую систему оценки доказательств. (там же) Публикация заканчивается словами убеждённости в том, что указанные Уставы имеют значение не только процессуального закона, но и знаменуют собой появление новой эры русского гражданского права [10] Однако, эта «эра» оказалась кратким периодом нашей истории, уступив место трагическому периоду, когда судопроизводство стало осуществляться людьми, далёкими от тех ценностей, которые были заявлены в присяге, приведённой в начале нашей публикации. Изменилась и риторика, образцом которой можно назвать заключительные слова Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, озвученные им в заключительной речи на процессе Троцкистско-Зиновьевского террористического центра 22 августа 1936 года: «Я позволю себе напомнить вам, товарищи судьи, о вашей обязанности признать этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере те статьи закона, которые предъявлены им обвинением. Взбесившихся собак я требую расстрелять – всех до одного!» [11].

Малая Советская Энциклопедия за 1933 г. рассматривает адвокатуру царского периода как защитницу имущественных классов и стража политического господства буржуазии, приняв участие как в её революционной борьбе против феодализма, так и в последующих

выступлениях против пролетариата и коммунистического движения. В дальнейшем, Октябрьская революция уничтожила это учреждение в буржуазном её смысле, создав институт правозаступников, затем коллегии защитников на новых основах и принципах, тесно связав его с общественностью [11].

В последние десятилетия интерес к судопроизводству довоенного периода продолжает оставаться устойчивым. Это имеет место и в нашем регионе. Так, тюменский краевед, писатель и историк, бывший полковник ФСБ Александр Антонович Петрушин, помимо выпущенных ранее объёмных монографий, размещает свои очерки и периодических изданиях. Так 12 февраля 2026 года в газете «Тюменская губерния» им была опубликована статья с характерным названием «дела «красного Бонапарта». Автор сообщает интересные для краеведческой науки факты о пребывании в нашем городе двух дочерей известного маршала, (от жены и любовницы), в специальном детдоме, располагавшемся в особняке Дементьева на пересечении улиц Дзержинского и Советской. (Дом сохранился до настоящего времени). А. А. Петрушин кратко описывает «далеко небезупречную» биографию М. Н. Тухачевского, подчёркивая шумный провал возглавляемой им польской военной компании 1921 года, и подавление кронштадского и тамбовского восстаний с крайней (sic!) жестокостью [12] Тюменский исследователь не исключает версии о существовании заговора во главе с маршалом; характерно, что эту же версию поддерживает столичный историк Юрий Мухин, доказывая в своих публикациях несостоятельность М. Н. Тухачевского как военного специалиста, помимо прочего основываясь на изданных публикациях опального маршала.

Отказ от, веками сложившихся мировоззренческих христианских установок, положенных в том числе, и в основу деятельности судебных органов неизбежно приводит к трагическим и непоправимым последствиям, что наглядно показывает история первой половины XX века. В настоящее время мы наблюдаем успешную попытку «реабилитации» отвергнутых революционной властью многовековых наработок, наглядным примером чего является востребованность и популярность озвученной во времена Александра II Присяги работников судебного ведомства, украшающие многие служебные кабинеты областного центра, а судебные речи выдающихся русских юристов переиздаются солидными тиражами, украшая отечественный книжный фонд

Список литературы:

1. Судебные уставы императора Александра II с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. Санкт-Петербург. Печатано в типографиях: Министерства Путей Сообщения (А. Бинке), Фонтанка 99 и А. Каспари, Литейная 52, с. 161
2. Молитвослов и Серафимо-Дивеевское правило. Издание Свято-Гроице-Серафимо-Дивеевского монастыря. 2000, с. 20
3. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа и Псалтирь в русском переводе. Москва. В синодальной типографии. 1900, с. 33
4. Судебные речи русских юристов. Государственное издательство юридической литературы. Москва. 1956 г., с.11
5. Судебные речи русских юристов. Указ. соч. с.16
6. Судебные речи русских юристов. Указ. соч. с.17
7. Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Южакова. Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Санкт-Петербург. Городская контора: Невский 50, 1896, том I, с. 136
8. Большая энциклопедия. том I, с.135-136
9. Большая энциклопедия. том XVIII, с.100-101
10. Большая энциклопедия. том XVIII, с.102
11. Малая Советская Энциклопедия. Государственное Словарно-Энциклопедическое издательство «Советская Энциклопедия», Москва ОГИЗ РСФСР 1933, том I, с.156
12. Петрушин, А. «Дела «красного Бонапарта» Тюменская Губерния № 3 (567) от 12.02.2026, с.12

